

в большей и большей степени отражает свободолюбивые взгляды писательницы. Часто женские персонажи наделяются материнскими функциями. При этом биологическое материнство зачастую отображается в виде ловушки, из которой нет выхода. Его метафорой становится кража свободы и нереализованных возможностей. Но одновременно под материнством начинают пониматься вовсе не биологические связи, а отношения сестринства, когда тот или иной женский образ раскрывается в полной мере за счет существующей взаимосвязи с другими женщинами – подругами, сестрами, предками по женской линии. Особенно ярко это продемонстрировано на примере романа «Цвет пурпурный». Шик Эвери выступает проводником тех идей, которые отстаивает сама писательница. В романе же «Пришло время открыть сердце» образ Праматери вообще лишен телесной оболочки, а, следовательно, и сдерживающих оков. Она гармонична, поскольку не подчиняется правилам жизни в обществе, а существует над ним. Она обладает тем ключом, который может открыть доступ к духовным ценностям. Праматерь является наилучшим воплощением тех идеалов, к достижению которых стремится Элис Уокер.

Литература

1. Стулов, Ю. В. 100 писателей США / Ю. В. Стулов. – Минск: Выш. шк., 1998. – 334 с.

УДК 811'0'25

Т. М. Познякова, Г. Н. Игнатюк

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ НОРМ И КРИТЕРИЕВ КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА

В статье прослеживается изменение критериев оценки переводческой деятельности в процессе развития переводоведения. Особый интерес представляет понятие «переводческая норма», которое не только претерпевает изменения в обществе в процессе исторического развития, но и отличается в различных языковых культурах. Такое толкование норм перевода объясняет существование разных требований к хорошему переводу в различных языковых коллективах. В настоящем исследовании осуществлен анализ объективных критериев оценки качества перевода на основе диахронического подхода.

В разные эпохи и периоды вопросы соответствия текста перевода тексту оригинала и оценки качества перевода решались по-разному. Известны требования к качественному переводу, сформулированные А. Тайтлером еще в 1791 г. в трактате «Эссе о принципах перевода», первой книге в Англии, предназначенной специально для рассмотрения переводческой проблематики. Эти требования предполагали, что перевод должен полностью передавать идеи оригинала; стиль и манера изложения перевода должны быть такими же, как в оригинале; перевод должен читаться так же легко, как и оригинальные произведения.

Позднее в теории перевода были сформулированы такие правила качественного перевода, как «точность», «сжатость», «ясность» и «литературность». Однако на сегодняшний день, когда существует большое количество различных видов перевода, соблюдение этих требований уже не может считаться нормой. Так, «точность» (необходимость донести до читателя полностью все мысли, высказанные автором, а также нюансы и оттенки высказывания) несовместима с неполным переводом. Подобным образом, невозможно соблюдение требования литературности в процессе перевода, например, кино-, видеоматериалов, содержащих ненормативную лексику. «Сжатость» означает то, что переводчик «не должен быть многословным, мысли должны быть облечены в максимально сжатую и лаконичную форму. При этом он не должен ничего добавлять от себя, не должен дополнять и пояснять автора. Это также было бы искажением текста оригинала» [1]. Но сжатость не может быть достигнута при переводе текстов с большим количеством реалий или терминов, незнакомых реципиенту, где переводчику приходится пользоваться приемом описательного перевода, чтобы донести до читателя специфику того или иного культурного явления, содержащегося в тексте оригинала. Хотя указанные правила не охватывают всех сфер переводческой деятельности, их трудно отвергнуть; они вполне могут быть использованы при оценке полного делового или научно-технического перевода.

На протяжении долгого времени наиболее объективными критериями для характеристики результатов деятельности переводчика считались «адекватность» и «эквивалентность». Но данные понятия представляют собой настолько многогранные явления, что их трудно обозначить однозначно. Эквивалентность часто трактуется слишком широко, «поглощая» понятие адекватности, либо эти два понятия рассматриваются как синонимы. Иногда авторы сужают понятие эквивалентности до составляющей критерия адекватности.

Известный российский специалист в области теории перевода В. Н. Комиссаров предложил оценку качества перевода с точки зрения многоуровневой теории эквивалентности, согласно которой текст перевода признается эквивалентным, если он соответствует исходному тексту на одном из пяти уровней эквивалентности [2, с. 38–77]. Нельзя не согласиться с тем, что такой анализ переводческой деятельности есть чисто лингвистический анализ и скорее применим при оценке перевода предложения, чем целого текста. Более того, иногда в практической деятельности трудно определить, на каком уровне эквивалентности выполнен перевод высказывания, и даже в учебных пособиях по переводу одно и то же предложение может использоваться для иллюстрации различных уровней.

В. Г. Гак свел теорию эквивалентности к трем уровням – формальному, смысловому и ситуационному. Формальный эквивалент предполагает выражение общих значений в двух языках аналогичными языковыми формами, что, согласно В.Н. Комиссарову, соответствует пятому уровню. Смысловый эквивалент предполагает выражение одних и тех же значений в двух языках различными способами. Например: *La délégation a quitté Moscou par avion à destination de Paris.* – ‘Делегация вылетела из Москвы в Париж’. Ситуационный эквивалент предполагает выражение высказываний, описывающих одну и ту же ситуацию, не только с помощью различных форм, но и с помощью различных элементарных значений. Например: *La délégation française regagne Paris.* – ‘Французская делегация вылетела на родину’.

Описательный перевод используется тогда, когда в другом языке не существует соответствующего понятия. Например:

Путевка в санаторий, в дом отдыха – ‘*Une place dans un sanatorium, dans une maison de repos*’. *Путевка водителя* становится «дорожной бумагой» – ‘*Feuille de route*’. [3, с. 10–11].

Такая интерпретация эквивалентного перевода, на наш взгляд, предпочтительнее, т. к. не приводит к двусмысленности, в отличие от пятиуровневой эквивалентности.

В последнее время лингвисты начали выходить за рамки теории эквивалентности, в результате чего появился другой подход к оценке качества перевода, основанный на переводческой норме.

А. Паршин определяет переводческую норму как совокупность требований, которым должен отвечать перевод. Норма складывается в результате взаимодействия пяти различных видов нормативных требований: нормы эквивалентности, жанрово-стилистической нормы, нормы переводческой речи, прагматической и конвенциональной нормы перевода. Согласно А. Паршину, качество перевода определяется

степенью его соответствия переводческой норме и характером невольных или сознательных отклонений от этой нормы [4, с. 55–59].

Между различными аспектами нормы существует определенная иерархия. В переводоведении считается, что, прежде всего, переводчик должен ориентироваться на прагматическую задачу, поставленную перед ним заказчиком. На втором месте для успешного решения прагматической задачи находится требование соблюдать жанрово-стилистическую норму, т. е. текст перевода должен соответствовать исходному тексту по принадлежности к определенному функциональному стилю речи со свойствами для ПЯ особенностями. Эта норма неразрывно связана с нормой переводческой речи, т. е. переводчик обязан следовать правилам нормы и узуса языка перевода, характерного для данного функционально-стилистического ПЯ. Оставаясь неизменной на протяжении длительного периода времени, конвенциональная норма определяет общий подход к переводческой деятельности в данном языковом коллективе в данный период времени. Норма эквивалентности представляет собой конечное нормативное требование, которое должно выполняться при условии соблюдения всех остальных аспектов переводческой нормы.

Многие исследования подтверждают, что нормы – это основные категории в эмпирической теории перевода, т. к. они разъясняют определенные переводческие правила или запреты и оказывают влияние на различные аспекты работы переводчика. Однако интерпретация самого понятия «норма», равно как и приоритетность составляющих ее требований, у разных лингвистов различаются, что поднимает важные вопросы, которые одинаково касаются как исследователей, так и практиков-переводчиков и преподавателей перевода.

Голландский лингвист Тео Херманс обращает внимание на относительность норм перевода и возможность их различного толкования в различных языковых культурах. Он отмечает, что любые правила, условности и нормы, в том числе и переводческие, основываются на ценностях. Ценности определяют нормы, которые, в свою очередь, определяют поведение человека. Перевод не может быть свободным от ценностей языкового коллектива и не может быть независимым от идеологии данного общества [5, с. 7–9].

Такой подход может объяснить, во-первых, почему у различных культур, и, соответственно, обществ, могут быть разные представления относительно норм перевода; во-вторых, почему переводы могут сказать нам больше о тех, кто переводит, чем об исходном тексте, лежащем в основе перевода. Это в некоторой степени может также объяснить непостоянство норм и их подверженность историческим изменениям.

Культура любого народа непрерывно развивается и претерпевает изменения, а нормы, будучи результатом процесса запланированного социального поведения, являются столь же динамичными, как и культура. В связи с этим представляется естественным, что у различных социальных групп, так же как и у индивидуумов, есть свой собственный лингвистический (и, следовательно, переводческий) горизонт, на который могут влиять самые разные факторы: половая принадлежность, вероисповедание, образование, род занятий, место проживания переводчика и др. Таким образом, можно предположить, что с изменением представлений о нормах «передовые» прежде переводчики могут вскоре оказаться «не совсем подходящими», а иногда даже совершенно «устаревшими».

В заключение следует отметить, что понятие «переводческая норма» не является чем-то застывшим, раз и навсегда данным. Как и любые другие стандарты, переводческие нормы подвержены постоянному процессу развития. Этот процесс обусловлен социально-культурными, общественно-политическими, экономическими и другими изменениями, происходящими в обществе или отдельной социальной группе. Параметры оценки переводческой деятельности и качества перевода являются переменными величинами, которые зависят не только от конкретной исторической эпохи, в которую переводчик осуществляет свою деятельность, но и от конкретных особенностей и потребностей общества и, конечно же, от типа переводимого текста.

Литература

1. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
2. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
3. Гак, В. Г. Курс перевода / В. Г. Гак, Ю. И. Львин. – М.: Международные отношения, 1970. – 400 с.
4. Паршин, А. Теория и практика перевода [Электронный ресурс]: / А. Паршин. – М., 2001. – 287 с. – Режим доступа: <http://teneta.rinet.ru/rus/pe/parshin-and-teoria-i-praktika-perevoda.htm/> – Дата доступа: 10.03.2015.
5. Hermans, Theo. Translation and Normality [Электронный ресурс] / Т. Hermans. – 19 с. – Режим доступа: <https://www.google.by/webhp?sourceid=chrome-instant&ion=1&espv=2&ie=UTF-8#q=hermans%2c%20theo%20translation%20and%20normality>. – Дата доступа: 12.03.2015.